

Прекрасный актер Владимир Гостюхин дебютировал на кинофестивале в Выборге как режиссер. Он поставил фильм под названием "Ботанический сад". Московская знаменитость уже много лет живет в Минске и ведет образ жизни послушного затворника.

— Володя, почему вы решили снимать, вы ведь все-таки артист?

— Я давно хотел. Еще ГИТИС заканчивал, хотел поступать во ВГИК на режиссуру. Предлагали дебютировать на "Мосфильме", но я тогда очень много снимался — из картины в картину. Роман Астафьева "Печальный детектив" хотел снять, написал сценарий. А тут Михалков Никита Сергеевич появился с "Ургой", уехал к нему на съемки, и эта идея так и погибла.

— После "Урги" вы внезапно исчезли. Неужели никто ничего не предлагал?

— Меня пригласили немцы, я уезжал в Германию. Историческая картина — XVI век, баптисты. Вернулся и в основном законсервировался на "Беларусьфильме".

— В Белоруссии что-нибудь снимается?
— Три с половиной картины в год, но к нам многие приезжают работать. Все-таки дешевле, чем на "Мосфильме" и "Ленфильме". Астрахан у нас прописался, телесериал заканчивает.

— Не предлагал роль?
— Предлагал, но я в это время снимал свою картину, и просто не было сил.

— Ему у вас нравится — спокойно, говорит.

— Остались одни фанатики, зарплаты ведь маленькие. Как режиссер-постановщик я получаю 60 долларов в месяц. Когда один мой коллега узнал, он был потрясен.

— Семья у вас большая?
— Трое, но у меня еще от первого брака дочка в Москве живет.

— Московскую жизнь вспоминаете?
— Прекрасное было время! Я жил в Долгоруковом, работал в Театре Советской Армии мебельщиком-реквизитором. Потом меня нашла вторая режиссер, это был фильм Василия Ордынского "Хождение по мукам". Моя первая роль. А параллельно запускалась Лариса Шепитько с "Восхождением", и меня пригласили к ней. В принципе моя судьба началась с Ларисы.

— Все-таки это лучшая роль!
— Я с этим не согласен. Самая дорогая, потому что первая, но потом были и Абдрашитов, и Михалков, я очень люблю "Старшину", "Смирненное кладбище", "Левшу". Были удачи.

— А почему тогда из Москвы в Белоруссию?

— Влюбился, лав стори.
— Расскажите.
— Снимался в фильме "Волки" по Шукшину. Приехал на "Беларусьфильм", влюбился в художника-гримера. Развелся, бросил Москву.

— Такая прямо любовь?
— Такая. Приехал в Минск — не знаю, куда, зачем? Квартиру оставил бывшей супруге.

— Не сожалели?
— Тоска была необыкновенной. Потом приехал. Я настолько люблю Белоруссию и Минск, где живу! Москва сейчас — чужой город.

— Чем Минск лучше?
— Он чистый, спокойный, и люди мягче. Нет жесткости, но в Москве осталось много друзей.

— С кем вы общаетесь?
— С Никитой Михалковым, его командой, правда, сейчас времени не хватает. С Ларисой Шепитько были очень дружны, потом судьба как-то разбросала: Элема Климова не видел уже много лет. Всегда радуюсь удачам моего напарника по "Восхождению" Бориса Плотникова, но контакта практически нет. У меня свой круг — не актерский, а вообще я всегда дружил с операторами. С Валерой Федосовым покойным, Толей Заболоцким дружим, Пашей Лебешевым, Юрой Невским.

— У вас сын или дочь?
— У меня две дочки. Одна в Москве живет, а младшая в Минске со мной. Ей — 15, старшей — 25.

— Старшая чем занимается?
— Торговлей. Она пошла по стезе моей мамы. У меня мама — раба, ник торговли, начинала продавцом, а закончила директором магазина. У старшей дочери вдруг проснулись гены.

— У нее получается?
— Пока да. Работает старшим продавцом в частном магазине, зарабатывает больше, чем я. Не замужем.

— Ну а вы-то как живете?
— Плохо. Много снимался и валютные съемки были, а ничего не нажил. У меня, кроме двухкомнатной квартиры, ничего нет. Сейчас с трудом получаю государственную трехкомнатную. Лукашенко дом построил для интеллигенции.

— Язык выучили?
— Я понимаю хорошо и читаю, но не говорю — у меня акцент, а язык портить не хочется.

— На фестивали вас приглашают?
— Приглашают много, но я сейчас все больше и больше устаю. Возраст уже — 51 год, а когда-то я любил на них крутиться.

— Ваш фильм шел в Белоруссии?

— Была премьера в крупнейшем у нас кинотеатре. Я не ожидал такого — полный зал, минут двадцать зрители не давали говорить. Я не думал снять шедевр и знаю, что в картине много несовершенств, но главную задачу я все-таки выполнил — рассказать простую человеческую историю, взволновать людей, задеть здоровые человеческие струны. Для меня было принципиально снять традиционный советский фильм. Зрителю нужны нравственные идеалы, а я — за нравственность в кино. С некоторых фильмов я просто уожу. В картинах все время ругаются матом! На одном я встал и попросил вывести детей из зала.

— Володя, но люди ведь ругаются матом!

— Я не считаю, что кино зеркально должно отражать жизнь. О проблемах человека можно говорить без языковых дефектов. Мат ведь не русского происхождения, он нам достался от татаро-

Мне просто больно и горько за людей: наверху идут драки, а люди брошены. Это меня очень мучает. Я из-за этого страдаю. Драками ничего не решить. Надо уже искать общенациональную идею. Общесвязывающую. Надо договариваться людям с разными взглядами.

— Вас осуждают в национализме?

— Это как-то странно. Почему-то только русскому человеку не положено говорить о своей корневой национальной принадлежности. Литовцы кричат, белорусы, украинцы: "Мы — самые-самые!" А нам нельзя?!

— С вами связывают чудовищную историю, когда вы публично растопили пластинку Окуджавы?

— Этот кошмар я пережил в 93-м году. Я помолвился за Окуджаву, когда он умер. Я не могу радоваться и наблюдать с наслаждением смерть даже идейного врага. После событий 93-го года,

мени?
— Очень, честно скажу. При всей его дурастости оно было нище, здоровее. У меня страдания были всегда по нравственному началу. Кончилось тем, что сегодня еще страшнее жить, чем в советское время.

— У вас нет чувства отчаяния?

— Не отчаяния даже, а безысходности. Механизм пущен, и его не остановить. Поэтому я, может быть, прямолинейно, в лоб, кричал в своей картине — люди, смягчитесь! Давайте вспомним, что друг к другу надо относиться все-таки нежнее.

— Вы себя чувствуете больше знаменитым актером Гостюхиным или обыкновенным человеком?

— Обыкновенным человеком. Я всегда как бы стеснялся своей известности. Мне тяжело доставалась известность. Я практически оказался внутри себя. Шесть лет проработать мебельщиком! Но

Гостюхин не публичный человек. Он любит одиночество. Он прячется в Минске

монгольского ига. Самое ругательное русское слово в Монголии означает "человек". У меня на съемках у Михалкова была смешная история. Мне надо было по-монгольски крикнуть "Эй, человек, иди сюда!" Я спросил, как это сказать? Переводчик помолчал и сказал: "Эх, х... на хер!" Отец у меня, кстати, не матерился.

— А вы?
— Иногда в общем помогает. В напряженной ситуации. В кино у меня мат был в "Смирненном кладбище" и в "Урге". Поддался, но можно было обойтись без этого.

— А вы думаете, что кино должно воспитывать напрямую — говорить какие-то истины?

— Искусство должно воспитывать. Я ни одной роли не сыграл просто так. В каждом фильме была какая-то воспитывающая идея. Все американские фильмы воспитывают, почему мы не можем?

— Вы сейчас поуспокоились? Какой-то период вы очень травмировали московскую интеллигенцию своими державно-патриотическими выпадами?

— Внутри я не менял своих убеждений и уже не поменяю до конца. Но я понял, что конфронтационная жесткость в идейных схватках разрушительна. Она разрушает нас с вами, народ.

когда я даже в кошмарном сне не мог представить, что в центре Москвы танки откроют огонь и людей будут убивать просто так, Окуджава приехал на гастроли в Минск, и был большой пикет около филармонии, где он выступал. А я читал интервью, где он говорил, что наслаждался произошедшим, как детективом. Не знаю, почему он так сказал. Окуджава — моя молодость, я все его песни знаю наизусть, нежный человек. И вдруг такая радость по поводу убийства людей! Для меня это было настолько сильным потрясением, что я просто разорвал конверт и разбил его пластинку перед концертом. Был большой шум. В Верховном Совете в Минске было посвящено заседание. Призывали меня посадить. Это был кошмар!

— Вы ударили кого-то можете?

— Я в свое время много дрался — занимался боксом. И на Арбате я ударил человека. Идет здоровый пьяный амбал, расшвыривает людей — старуха полетела, парочка, на меня вышел — ну дал я ему в лоб! Засветил — он отключился. Но это же нормально! Должен же был кто-то это сделать? В то же время я считаю, что все реформы, которые произошли у нас и происходят, нездоровые. Все это не для народа. Мне иногда жутко и страшно становится, глядя на то, что происходит с людьми.

— Вам жалко ушедшего советского вре-

на картине Ларисы Шепитько я поставил задачу — или умру, или состоюсь! Абсолютно серьезно. Я работал на пределе, и мне это удалось. И дальше судьба начала складываться очень счастливо. Было время — меня не узнавали. Никто. В моей биографии нет коммерческих бестселлеров, кроме "Белого ворона" и "Старшины", они только пользовались зрительским успехом. "Восхождение" многие не воспринимали. Я был на встречах со зрителями, где в зале сидело 15—20 человек! Потом что-то показали по телевизору, и меня стали узнавать. И это стало меня доставать. Я не публичный человек. Я люблю одиночество. Я прячусь.

— Вы говорите об отчаянии, в чем тогда вы находите силы?

— "Надо, Федя, надо!" Мне каждая актерская работа доставается очень тяжело. Есть легкие люди, я им завидую. Я очень тяжело иду к результату. Мучительно, с надрывом. Что-то получилось — я тут же стараюсь забыть. Отжил десять минут славы — и забыл.

— Вас узнают?

— Узнают. Я уже и кепку надеваю, и очки не снимаю, но, поскольку я в троллейбусе езжу — машины-то нет, иногда так достанут! Меня это просто бесит.

Наталья РТИЦЕВА.